

СЕГОДНЯ перед обладателем титула «лучший бас мира» распахнуты двери главных оперных домов, а его график расписан на пять лет вперед. 31 мая Ильдар прилетает на фестиваль «Звезды белых ночей» ради единственного выступления — чтобы исполнить партию в опере «Аттила», за которую был дважды удостоен премии Grammy.

— Филипп II в «Дон Карлосе» Верди, который сейчас идет в Ковент-Гардене, продолжает собирать восхищенные отзывы. И, насколько я знаю, в этой постановке именно на вас делали ставку?

— Сезон у меня действительно выдался под знаком «Дон Карлоса». Эту оперу Верди хорошо принимают и в Москве, и в Королевском театре. Мюнхенская публика, кстати, одна из самых взыскательных, также встречала овациями. Что касается Ковент-Гардена — это как раз та сцена, на которой я пел не столь часто. Поэтому приятно вдвойне, что зритель тепло встречает. Хотя подготовка к постановке в Лондоне была и сложной. Из-за простуды мне пришлось пропустить три репетиции, а моих коллег Людовика Тезье и Красимиру Стоянову и вовсе экстренно заменили другими певцами. Но я рад, что в итоге все прошло замечательно.

— В постановке задействован и легендарный Паата Бурчуладзе?

— Да, у него роль инквизитора. Самое интересное, что как раз Бурчуладзе я слушал с раннего детства: у меня была единственная пластинка, и именно с его голосом. На его записи я учился интонировать, иногда копировал манеру исполнения. Поэтому для меня огромная честь стоять с ним на одной сцене спустя 20 лет.

— После последнего спектакля в Лондоне вы прилетаете в Санкт-Петербург на фестиваль «Звезды белых ночей».

— Но, к сожалению, всего на один день. У меня заглавная партия в опере «Аттила». Вообще я очень трепетно отношусь к «Звездам белых ночей». Я ведь принимал участие в фестивале, когда он только-только зарождался. Сейчас это очень знаковое событие, съезжаются сильнейшие исполнители, можно увидеть и услышать самые громкие премьеры года. Но я люблю «Звезды белых ночей» еще и потому, что здесь можно встретиться с друзьями со всего мира. Обычно после выступлений мы собираемся вместе и гуляем по ночному городу. Это прекрасные мгновения.

— Вы считаете Санкт-Петербург родным?

— Родной город — это все же Уфа. Но я безмерно люблю Санкт-Петербург. С ним у меня связано много приятных моментов, тут произошло много знаковых и счастливых встреч. Мне очень нравится архитектура города, люди. Опять же, работа в Мариинском театре стала для меня судьбоносной. Поэтому, конечно, это мой город, хоть и бы-

ваю я в нем сейчас нечасто. . . Если за год месяц наберется — считаю это удачей.

— У вас есть любимые места здесь — те, куда вы приходите обязательно?

— Обычно времени не хватает ни на что. Но если есть несколько свободных часов — иду гулять по набережной Невы. Очень люблю ездить за рулем по ночному городу. Включаю негромко музыку и наслаждаюсь изумительными видами.

— А любимые, заветные, роли?

— Борис Годунов. Вообще все обладатели баса тянутся к Борису. Если бас не спел Бориса, можно сказать, зря пел всю жизнь. И я счастлив, что у меня наконец появилась такая возможность. Руководство Парижской оперы предложило поставить на меня «Бориса Годунова». Премьера назначена на 7 июня 2018 года. Труппа просто потрясающая. Половина певцов — мои друзья из Мариинского театра, есть коллеги из Москвы. Режиссер — фланец Иво ван Хове. С ним я не работал прежде, но знаю, что это очень любопытный театральный режиссер больших форм. Впрочем, для меня значительно важнее музыкальная часть. Я счастлив безмерно, потому что дирижером постановки будет Владимир Юровский. По большому счету, можно отказаться от всего остального, музыка сама нарисует нужную картину.

— То есть «Борис Годунов» практически у вас в кармане. А что дальше?

— На днях задумался над этим вопросом: спую Бориса в Мариинском, в Большом, возможно, сделают постановку в «Ла Скала», в Метрополитен. А дальше что? Но даже в репертуаре Верди можно найти достаточно взрослые партии. Одна из эталонных для баса — Захария в опере «Набукко». Опять же, «Мефистофель» Бойто, которую я пел и готов петь бесконечно, потому что это прекрасная музыка и прекрасная роль. «Мефистофель» вне времени. Есть что спеть даже после «Бориса Годунова».

— В каком театре мира вы чувствуете себя комфортнее всего?

— Комфортнее всегда там, где проводишь много времени. В 2001–2005 годах я много времени проводил в «Ла Скала». Риккардо Мути меня приглашал практически на все постановки. В 2003 году он даже доверил мне главную партию на открытии сезона. Это была опера «Моисей и Фараон», я пел Моисея. И в этот период роднее сцены для меня не было. В 2004 году у меня был дебют в Метрополитен-опера, после чего я проводил там несколько месяцев ежегодно. В результате и этот театр стал в значительной степени родным. А когда зритель тебе рад, местоположение вообще теряет значение.

— Аудитория европейская и американская сильно отличаются?

— Конечно. Американская публика более живая и открытая. И для них важно действие, шоу. Они в меньшей степени прислушиваются к музыке. В Италии все иначе. В Италии самая критичная публика. Особен-

АЛЕКСЕЙ КОСТРОМИН

«Я БЕЗМЕРНО ЛЮБЛЮ

Санкт-Петербург. С ним у меня связано много приятных моментов, тут произошли знаковые и счастливые встречи»

но в «Ла Скала» и Реджо. Если тебя принял итальянский зритель — это дорогого стоит. Когда итальянцам не нравится, они могут освистать прямо посередине арии и даже кричать: «Езжай домой!»

Первый раз на сцену «Ла Скала» я вышел в 24 года. Меня пригласили после победы на конкурсе в Бусетто. Я пел партию Рудольфо. Как сейчас помню, у нас был итальянский дирижер. Ему очень не нравилось, что певец из России поет итальянскую оперу. Он придирился к каждой моей ноте, к моему произношению. Я, конечно, был не уверен в себе. Выходил на сцену, а у меня ноги подкашивались. Но когда я спел арию, зал взорвался аплодисментами. И тогда я почувствовал себя намного увереннее. Следующие спектакли прошли для меня спокойнее. К слову, дирижера в тот вечер освистали.

— А какова аудитория Мариинского театра? Насколько она взыскательна?

— В России прекрасная публика. Времена, когда могли посреди спектакля разговаривать по мобильному телефону, в прошлом, к счастью. Последние годы в зале появилось больше молодых людей. И это не случайные люди, им действительно интересен оперный репертуар. Я думаю, это связано с тем, что новое поколение имеет больше возможностей и заинтересованность в знаниях.

— Совсем недавно вы стали лауреатом премии Casta Diva в номинации «Певец года»...

— Да, как оказалось. Я даже не помню, от кого я это узнал. Приятно, когда твои заслуги оценивают. Для меня (как и для Анны Нетребко) значительным событием прошлого года стал дебют в Большом театре в опере «Дон Карлос». Меня очень тронуло, что Большой стал приглашать. Для меня было странно, что я пою на лучших сценах мира, но не пою в главном театре своей страны. Потому что возвращаться в Россию, к своему зрителю, всегда большая радость.

— Вы свое далекое будущее как видите?

— Я думаю, мне еще есть что спеть и есть к чему стремиться. Но если говорить о далеких перспективах, мне бы хотелось помогать одаренным молодым певцам найти себя и свой репертуар. Творческие люди, как правило, очень амбициозны, и это прекрасно. Но важно еще и понимание своих реальных возможностей в конкретном моменте. У нас прекрасные ребята, которые хотят быть услышанными, и я готов им помочь. Я создал фонд, который до конца года обязательно обретет реальные черты. Остались формальности. Поддержка будет разной: для начала это прослушивания, консультации и помощь с организацией выступлений. Ну а дальше будем смотреть.

Беседовала Надежда Супрун